

Уржунцева Татьяна

Связывание

Татьяна Уржунцева

Связывание

«Автор»

2023

Уржунцева Т.

Связывание / Т. Уржунцева — «Автор», 2023

Мир висит почти на волоске — жестокие магические войны практически вывернули его наизнанку, включая и живых существ, которым так не повезло там родиться. И наводить порядок где бы то ни было — в доме, в пещере и в конце концов в мире обычно приходится женщинам. Три немолодых женщины из небольшой деревушки — вот ведьмин круг, на который осталась последняя надежда. Потому что кто еще, кроме них? Не больно-то хочется лезть в герои, но порядок должен быть наведен, все должно вернуться на свои места.

© Уржунцева Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Тэсса	5
Глава 2. Дора	7
Глава 3. Магда	8
Глава 4. Тэсса	10
Глава 5. Дора.	11
Глава 6. Магда	13
Глава 7. Тэсса	14
Глава 8. Дора	15
Глава 9. Магда.	16
Глава 10. Тэсса.	17
Глава 11. Дора.	18
Глава 12. Магда.	20
Глава 13. Тэсса.	21
Глава 14. Дора.	23
Глава 15. Магда	24
Глава 16. Тэсса.	26
Глава 17. Дора.	27
Глава 18. Магда.	28
Глава 19. Тэсса.	30
Глава 20. Дора.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Уржунцева

Связывание

Глава 1. Тэсса

...Тэсса с кряхтением скинула с плеч увесистый мешок, прислонила его к дереву и сама уселась рядом, вытянув ноги в потёртых мягких сапожках.

Почти пришла.

Оглядела поляну.

Тут ещё совсем молодым погиб ее первый муж – бестолковый муж-то был, правду сказать. Решил победить дракона и стать рыцарем, ну и нашли от него окровавленный пожёванный сапог да пару клочков одежды – дракон побеждаться не любил.

Неудивительно.

От мужа остался сын, вроде не такой бестолковый, как его отец – большой совсем стал, уехал в город, работает там у башмачника. Вон и сапожки ему удались.

Тэсса задумчиво почесала обглоданное комарами бедро.

Второй муж тоже сгинул где-то недалеко – тот попался совсем пропащий, детей за собой не оставил, а все потому, что к мужскому долгу по причине пьянства был чаще неспособен. Его дракон есть не стал – видимо не одобрял густой самогонный дух. Так просто сломал шею ударом тяжелой когтистой лапы.

А третий и вовсе был дурак – наладился бить ее и ревновать к каждому столбу, вот и потащил в тот день в лес, неведомо зачем. Ай, хотя все понятно – зачем. Хозяйство у неё было крепкое, если бы он ее незаметно для деревни забил до смерти – стал бы завидным вдовцом. Мог бы взять жену куда как попримячнее вечно всклокоченной Тэссы. Потащил, в общем. Идиота кусок.

Пока он ломился сквозь подлесок, как одуревший медведь, за собственным шумом не заметил, как на поляну спланировал дракон. Дракон с ним и разобрался незамедлительно, а Тэссу сразу и не приметил – как она замороженно наблюдала из кустов за дрыгающимися ногами уже бывшего супруга, быстро исчезающими в зубастой пасти. Ну, долго не мучался. Да и дракон какой-то странный попался.

Покрытый густым коротким мехом, с чешуйчатой броней на голове и груди, и странно пузатый. Тоже изрядный идиота кусок, если задуматься.

Стоп. Это ж драконица. И похоже вот-вот родит.

Идиота кусок обмяк и глубоко задумался о своих планах, а Тэсса даже как-то заинтересовалась и бочком стала подбираться поближе.

У кошки роды принимала, у козы принимала, у овцы принимала. Почему бы и тут не попробовать, чего нового может быть. Все рожают,

Часов через пять, уже на закате, Тэсса энергично пробиралась через подлесок обратно в деревню. Влетела во двор, деловито скрутила головы паре гусей пожирнее – вряд ли муж вернётся и сделает ей замечание – и с гусями поспешила обратно на поляну.

Все ж родившая женщина, проголодалась наверняка.

Мужа больше никто не видел, да никто особо и не переживал.

Ладно, то дело прошлое.

Тэсса поднялась, потянулась и ухватилась за лямку мешка. Сразу за поляной скрывалась небольшая пещерка, в которой было логово драконицы.

Тэсса выдохнула, достала из мешка жирную курицу, нафаршированную снадобьями и подкралась к выходу.

В пещере резвились – кто они будут, щенки? Котята? В общем, дети драконицы.

И Тэсса вполне справедливо полагала, что от всех прочих животных детей они не особенно-то и отличаются. Шерсть – вот она. Местами, правда, чешуя – но то дело такое. Зубы – вот они, на манер кошковых, хотя и гораздо крупнее. Пьют материнское молоко, все сиськи уже матери оттянули. Все другое тоже как положено, иной раз так положат, что только изумляешься. Значит и все остальное у них должно быть так же.

Тэсса решительно оседлала и зажала коленями ближайшего, скажем, щенка, за уши придержала голову и запихнула курицу в пасть.

Нравится им это или нет, но пришло время первой глистогонки.

Глава 2. Дора

Дора проснулась, вытянула под одеялом короткие пухлые ножки, с удовольствием пошевелила пальцами ног и откинула одеяло.

Рядом, уткнувшись в подушку, храпел кузнец.

Дора выскользнула из постели, прошлепала босыми ногами к тазу с водой, поплескала в лицо. Оправила ветхую ночную рубашку. Сунула ноги в растоптанные полусапожки, прихватила шаль со спинки кровати и вышла из спальни.

В зыбком ещё утреннем свете поставила на плиту полный чайник, зажгла кучку дров под ним. Прихватила стоящую на лавке корзину – в корзине была наструганная особым образом лучина, веточки и деревянные брусочки – и пошла на двор.

Оставила корзину у двери, зябко закутавшись в шаль, пробежала до нужника и обратно, полюбовалась аккуратными грядками – хорошо в этом году все растёт – и с корзиной пошла на зады, к матери-берёзе. Поприветствовала ее, пожелала доброго утра.

Лежавшим тут же маленьким ножиком уколола привычно подушечку пальца, выдавила каплю крови на содержимое корзины. Накрыла корзину растопыренной кистью, изнутри толкнулась знакомая волна тепла – и вот уже навстречу встаёт деревянный человечек, причудливо сплетённый из лучинок, веточек, бересты и обломков ветки, которую лет десять назад сломал ураган.

Начинались привычные утренние хлопоты. Тяжело поднявшись, Дора, преследуемая деревянным человечком, прошла в сарай, с трудом открыв разбухшую деревянную дверь. Жестом приказала ему крутить ручку механической давилки, в которую с вечера была засыпана рябина для наливки, сама проверила самогонный аппарат, хозяйской рукой огладила ряд бутылей. Проверила, достаточно ли рябины засыпано в давилку – достаточно, чтобы занять ее неугомимого помощника до обеда.

Вспомнила про кузнеца и чайник и развернулась к дому.

Кузнец ещё спал, а вот чайник на плите исходил паром. Дора заварила крепкий чай, налила в фасонистую фарфоровую чашечку – муж привёз, вернувшись домой из очередного набега. Пользы от него всего ничего, а вот чашечки да городская кровать с никелированными шарами на спинке, это да. Остальное все до дома не доносил, то боевым друзьям раздарит, то девкам, то пропёт.

В одном был больно хорош, да и то – привёз как-то Доре стыдную болезнь, она месяц потом отвары пила да нараскоряку ходила, и ещё месяц на юбки нижние взглянуть боялась. После этого-то Дора и пошептала ему вслед, когда он опять заскучал дома сидеть да собрался на подвиги. Пошептала, да бросила пару веточек березовых сломанных, да листочек рваный. И говорить не о чем, чисто баловство.

Тем более что для этого дела и кузнец годится. И пьёт поменьше мужа. И моложе, опять же.

Дора забеспокоилась – надо бы вывести его из дома, увидят соседи, донесут мужу, если тот, вопреки ее ворожбе, все-таки вернётся. Потом приутихла.

Пусть себе доносят.

Самогон в этом году она настаивала в том числе и на грибах. А уж в грибах она разбираться умела.

Глава 3. Магда

Из-под клочкастых бровей взглянула на суетящегося у калитки мужичка.

Вставать навстречу не стала – много чести, никто его сюда не звал. Сам справится с перекосенной калиткой, сам зайдёт во и во двор, и в дом.

Окрикнула повелительно – мол, хватит там копать, раз пришёл – заходи.

Мужичок ей не нравился – сальные волосёнки завязаны шнурком, на макушке плешь, да и дух от него тяжелый. И трусит: ещё не поздоровался как положено, ещё и не видал ее толком, а суетится как таракан.

А ведь есть правила, правила все знают – зайди спокойно, поклонись, назовись, положи на лавку у двери то, что с собой принёс, а потом уже суетись да проблему излагай.

– Чего хочешь, болезный? – скрипуче гаркнула Магда – хватит копать, давай к делу!

– Венцлав я – пробубнил мужичок, – свататься я хочу, да невеста несогласна.

Магда захохотала в голос.

– К кому тебе свататься, болезный? Такой пень трухлявый кому сдался-то.

Венцлав справился наконец с калиткой, прошагал до крыльца и положил на лавку узелок с подношением. И не развязывая видно – дрянё-узелок, тряпка в пятнах, завязан неаккуратно.

Забубнил обиженно.

– Да я к Тэссе свататься хочу, пропадает баба без мужского пригляда, опять вдовая ходит, далеко ли до беды?

– А ты, значит, мужской пригляд? – хохотнула Магда – и что от меня хочешь, иди да сватайся сколько угодно.

– Так это. Зелье приворотное мне нужно. Она ж сама за меня не пойдёт. Не понимает своего счастья-то.

Магда задумчиво почесала голову под платком. Женишок нашёлся. Тэссино хозяйство многим не давало покоя – рука у неё была лёгкая на все живое, коровы, куры, свиньи и всякая тварь живая начинала у неё доиться, нестись и пороситься без остановки, а что до огорода – кажется, воткни Тэсса в землю палку и насы сверху – палка тут же дала бы всходы и плоды.

– Так ты бы в баню сходил, болезный – посоветовала Магда. – от тебя ж козлом несёт, сил нет, даже в дом тебя не зову. Все мне там провоняешь.

– Каким козлом?

– Мертвым, протухшим, обоссанным козлом – с удовольствием уточнила Магда – бабам это не то чтобы нравится, если ты не знал.

Венцлав совсем скукислся, но спорить с ней не решился. Поди с ней поспорь, не только назовёт козлом, а и вовсе с рогами и копытами от неё укачешь.

Вон кот сидит, чёрный, облезлый – говорят, был давным-давно мужик, да к Магде неудачно посватался. Не стал связываться.

Пробурчал что-то себе под нос, развернулся да и пошёл к калитке.

– Э! А попрощаться? – гаркнула ему в спину Магда.

Венцлав ничего не ответил, сначала гордо расправил плечи, а потом – сам испугавшись собственной наглости – рванул от калитки бегом. Вслед ему нёсся хриплый, каркающий хохот Магды и – или это ему показалось? – обещания проклясть.

Хорошенько отсмеявшись, Магда села на лавку, удобно вытянула ноги на чурбачок, вынула из кармана замызганного фартука трубку, огниво и кисет с табаком и принялась с наслаждением пускать колечки.

Она не знала доподлинно, но догадывалась, где пропадает Тэсса.

И ей было очень интересно, что намеревался делать с этим хозяйством незадачливый женишок, знай он про него. Может быть и стоило сделать зелье-то.

Посмеяться.

Узелок даже развязывать не стала. Там-то уж точно будет не смешно. Ничего хорошего этот жадный дурак ей явно не принес.

Глава 4. Тэсса

Вытерла лоб рукой, прислонила к стене пещеры лопату. Воняло уже не так неопишимо – пару тачек дерьма она конечно сегодня вывезла, но вообще дети научились наконец гадить снаружи. И глистов не видно, помогли ее снадобья.

Драконцы вырастали – сначала стали вылезать из гнезда, потом под руководством матери встали на крыло – сначала неуверенно, потом все смелее и смелее и вот уже кувыркаются в воздухе, как крылатые котятта. Пытаются уже пускать огонь.

И совсем ручные.

Шагая через подлесок, золотой от закатных лучей, Тэсса крутила в голове, что ей делать дальше. Пристроить их к людям, найти для матери самца – или она сама его найдёт? – и получить ещё один помет, посмотреть – какие вырастут? И можно ли вообще пристроить дракона к человеку? И понравится ли это дракону?

Можно было попробовать поговорить с местным бароном. Барон был хорош тем, что много войска отродясь не держал, да и чернокнижник у него был старый и хилый – на худой конец, в случае неудачи, можно будет сжечь его замок драконами и сделать вид что так и было, оно само.

Для начала дракона нужно было объездить. Хотя бы одного, для пробы.

Спала Тэсса плохо – в голову лезли самые неподходящие мысли. То пьяное мычание второго мужа – вечно ты со своими животными, то загадочная пропажа третьего – Тэсса так и не узнала, попал ли он в послеродовой рацион драконицы, и если попал, то хорошо это или плохо? Человека конечно жалко. Но все мясу не пропадать, хоть перекусила родившая женщина. Должен же и он принести пользу хоть раз в жизни.

Только небо стало светлеть, уже была на поляне.

Думала так: вскочит на одного из сонных драконов, как раз мать их поведёт верхами – куда? писать? охотиться? и успела как раз как хотела. Драконица выгнала уже свой выводок, ошалевший от энергичной материнской побудки, и собиралась отправляться.

Тэсса вскочила на спину самого крупного, поджала ноги так, чтобы не мешать крыльям, потрепала по нежной морде, покрепче ухватила за шерсть – молодой дракон, на удивление, не возражал.

Нескладным подростковым прыжком он стартовал в воздух.

Минут через пятнадцать охрипшая и ошалевшая Тэсса кубарём скатилась со спины дракона на какой-то горной лужайке.

Одно из ее предположений оказалось верным – летали они сюда оправляться.

Поляна воняла так, что резало глаза. И пешего пути оттуда явно не было.

Придётся повторять полёт.

Вечером у себя в бане, оттираясь от въевшейся вони всеми средствами, которые она у себя нашла, Тэсса сделала три вывода.

Летать на драконе можно и похоже что для этого они и нужны.

Но нужна подходящая сбруя.

И очень, очень теплые и плотные подштанники.

Имело смысл продолжать эти опыты. Объездить этого драконца, потом остальных, а потом и подумать, к какому делу их можно приложить.

Есть над чем работать.

Глава 5. Дора.

Разнеженно потянулась в жестяном большом корыте, полном горячей воды – ещё один привет от пропавшего мужа, в городе такое видел, и дома затребовал от кузнеца, не этого, а старого, уехавшего из деревни.

Хорошая вещь, господская, но что бы она с ней делала, не будь деревянного человечка, готового без усталости таскать ведра с водой, а потом подогревать ее своим, неведомым ей способом? Впрочем, неважно.

Дора поднялась на ноги в зыбком свете свечей, протянула руку за кусочком мыла. Мыло варила Магда, да так хорошо варила, что сам барон покупал его для своей жены. Пахло оно тонко и сильно, цветами и травами и ещё чем-то неведомым, стоило бешеных денег и в отличие от настоев и эликсиров, Магда его ни на что не выменивала. Или гони монету, или мойся обычным, воняющим стиркой.

Если бы Дора не работала на Магду один, а то и два дня в неделю, не держала бы рот на замке насчёт ее секретов – не видать бы ей и этих крошечных кусочков.

Поставила ногу на бортик корыта, провела по ней брусочком, взбила пену – и замерла.

Видения приходили к Доре нечасто, только в конце цикла, и редко бывали такими отчетливыми.

Но сейчас Дора видела перед собой отчетливо не только свою пухлую, грязноватую и исцарапанную ножку на бортике большого корыта из толстой жести, а и чью-то чужую – белую, изящную, сухую и мускулистую – на краю белой же мраморной чаши.

Дора намылила своё богатое тело и вместе с ней мыло заскользило по чужому – точеному и поджарому.

Дора опустила глаза на свою пышную грудь и увидела чужую – совсем девичью, с маленькими аккуратными сосками.

Дора промыла травяным настоем легкие и обильные рыжие кудри – и другая женщина ополоснула свои тяжелые прямые волосы цвета выгоревшего на солнце старого дерева.

Медленно, как во сне, она последний раз окунулась в корыто – наблюдая внутренним взором как то же самое вместе с ней делает та, другая – и шагнула на дощатый пол бани, повернувшись к мутному зеркалу.

Вторая сделала то же самое – но окружённая светом десятка свечей, встала перед огромным, почти во весь рост зеркалом.

На Дору смотрела жена барона. Как ее, вроде Анна. А может и нет, никогда не задумывалась. Жена и жена. Маячит там на заднем плане себе.

Дора вгляделась с интересом – жену барона они видели редко, а уж голую – и вовсе никогда.

Худошавая, прямая, с прямыми мальчишескими плечами, тонкими мускулистыми руками, маленькими девичьими грудями – и внезапно шрамами на них. Будто кто— то полоснул ее когтями давным— давно, от правой груди к левой, и даже знахарки не смогли свести эти шрамы. Даже Магда, а Магда могла очень многое.

Дора немало бы отдала, чтобы задержать это видение – уж больно было любопытно разглядеть не только жену барона, про которую ходили самые разные слухи – но и ее диковинную комнату, и большое зеркало в резной раме, и причудливые баночки со всяким женским, до которых Дора была большая охотница – но видение стало расплываться.

Последнее, что увидела и ощутила Дора – жена барона размазывала по телу масло с запахом роз.

Розы шли баронской жене примерно так же, как Дориной свинье – вышитое седло.

Дора обтерлась, накинула свежую рубаху, закуталась в шаль – как бы не просквозило
ночным ветерком, и пошла в дом.

Ожидать незваных гостей.

Глава 6. Магда

Развернулась под холодным одеялом на левый бок, вытянула перед собой гудящие натруженные руки.

Пришла кошка, легла рядом – как всегда, задницей на подушку. Магда только отодвинула ее чёрные кожаные пятки, чтобы уж не совсем в лицо. От кошки пованивало, правду скажем, но что тут поделать. Кошка тоже была старая, имела полное право чудить.

Закрыла глаза. Как и каждую ночь, по обратной стороне век пронеслись привычные картины – распахнутые чёрные крылья, закрывающие небо. Брызги крови на траве. Сияющие всполохи в небе. Искры с кончиков пальцев.

Богатые залы, высокие своды потолков.

Горят, горят крутые гордые крыши, сыплется черепица, рушатся балки. Все пропало – и богатые гобелены, и добротная мебель темного дерева, и сотни диковин их волшебных башен.

Где-то там под обугленными руинами ждут обрывки рукописей, и ларцы с драгоценностями, и все то, что было похоронено и хочет быть найденным. Не надо. Не надо тревожить прошлое, мертвое – мертво.

Расслабилась, выдохнула, не стала об этом думать. Забудь, Магда, это была совсем другая жизнь.

И все равно вспомнила – как ложилась на плечи муслиновая рубашка, а не грубый лён. На рубашку надевала рубиновый бархат, на шее и в волосах носила темное серебро с гранатами.

Тогда ее кожа была белой, как молоко, а волосы – цвета крепкого чая. Горничные промывали ее волосы травяными настоями, причесывали костяными гребнями, укладывали в высокую прическу.

Кошка поднялась, убрала задницу с подушки, влезла под одеяло. Вытянула наружу узкую мордочку, сонно и презрительно полуприкрыла глаза. Кошка тоже все помнила.

Как стучали по брусчатке каблучки высоких ботинок Магды, как гордо несла она голову. Как оборачивались и шептались ей вслед горожане – шутка ли, одна из лучших магов королевства. Самая лучшая, самая сильная, самая красивая.

Любили, боялись, уважали. Платили. Одаривали.

Боги, как платили – ее любимые гранаты в серебре, и темные рубины, и других камней без счета, и это не говоря о королевском жаловании.

Это вам не тухлый узелок Венцлава. Никто бы даже в шутку не осмелился принести ей такое.

Магда пригrelась, по телу прошла тёплая волна, и теперь ей казалось, что сначала руки становятся снова молодыми – гладкие, цвета свежих сливок, с розовыми блестящими ногтями. Что волосы вместо клочкастой копны снова льются густой шёлковой волной.

Не болят суставы, не зудят комариные укусы.

Магда спала.

Если бы кто-то сейчас прошёл мимо стоящего на отшибе домика и заглянул в окно, да мог бы видеть в темноте – он бы увидел, как в бедной опрятной постели спит, разметав по подушке темные локоны, совсем ещё молодая женщина, от силы лет тридцати.

Глава 7. Тэсса

Стянула потрёпанным кожаным шнурком волосы в хвост, одернула юбку, нервно выдохнула.

Сегодня была ее очередь помогать по хозяйству старой Магде – по негласному уговору ей помогали все женщины деревни, не связанные заботами о маленьких детях, чудящих мужьях или родителях.

Тэсса боялась Магды с самого детства, с тех пор, как спряталась в бурьяне на задах ее двора, чтобы подглядеть, что старуха – уже тогда старуха! – будет делать ночью.

Маленькая Тэсса была уверена, что ночью Магда летает на метле, принимает в гостях чертей или хотя бы скачет голая по огороду. Метлы, чертей и духов Тэсса не боялась ещё тогда, а голую старуху вполне могла потерпеть.

Но ее ожидания не оправдались.

Черти не приходили, метла стояла, прислонённая к сараю.

Тэсса уже порядком устала, сидя в кустах, и намеревалась выйти и пописать, как вдруг по стене сарая скользнуло пятнышко света.

Как будто кто-то пускает солнечный зайчик осколком зеркала.

Вот только солнца не было, и даже огрызок луны заволокло тучами – летняя ночь накрыла деревню тяжелым плотным бархатом.

Вроде бы ничего страшного, никаких чертей или привидений, но от этого солнечного зайчика без солнца Тэссе накрыло таким давящим ужасом, что она замерла на месте и кажется забыла как дышать.

Зайчик плясал по сараю, по дому, по стволам деревьев, по огороду и целенаправленно приближался к ней. Когда он скользнул совсем рядом, Тэсса вырубилась от ужаса.

Дальнейшее она помнила плохо: кажется, ее нашла Магда, в жару и без сознания. Отнесла родителям.

Две недели Тэсса болела, и после того как она окончательно пришла в себя, страх перед домом Магды и самой Магдой, остался с ней навсегда. Она мучительно боялась спросить, что же это было, а сама Магда никогда эту тему в разговорах не поднимала.

Ладно. Надо идти.

Она ещё раз нервно огладила юбку потными ладонями, проверила, опрятно ли лежит ворот блузки, повязала волосы выгоревшей косынкой – Магда не терпела неопрятности и всегда была готова ее подколоть.

Дорогой, чтобы отвлечься, думала про драконов – и как уговорить кожевника сделать сбрую, не раскрывая тайны, или самой ее спроворить из оставшегося от мужа ремня и обрезков кожи. Решила сама, там не так много и нужно – кажется, пока можно попробовать с ошейником, а там посмотрим. И стоит ли говорить о них барону, и как так вышло вообще, что он о них не знает – это деревенские в большинстве своём не покидали свой мирок, а барон регулярно объезжал свои владения.

Или знает, но ничего не делает? На этой мысли Тэсса чуть не врезалась в закрытую Магдину калитку и ошеломлённо замерла на месте.

По всему выходило, что да.

Барон просто не мог не заметить драконицу с выводком.

Что-то тут было нечисто.

Глава 8. Дора

Свернулась под одеялом тоскливым клубком.

Видела ночных гостей в проеме ворот, да не облегчили эти гости душу.

Прилетала ворона, каркнула, предупредила. Не надо было ждать, не надо было искать расшифровки первого видения. Иногда лучше не знать.

В раме из старого дерева проходили неведомые, а кто видел их – тот будет тосковать, так говорит легенда.

Высокие горделивые дамы в роскошных одеждах – а Дора в ярком, да потертом, да в легкие кудри вплетает нити бисера, всегда думала, что она хороша. Ан нет, не хороша.

У них – точеные скулы, и огромные глаза, и резкие подбородки. У Доры – круглое личико сытой кошки.

Они – высокие, ломкие, манерные. Дора – низенькая, пухлая, плавная.

Знала, что это морок, который несут в себе неведомые, знала, что это их благословение и проклятие: всякий смертный, увидевший их, будет терзаться своим несовершенством.

А все же не могла с собой справиться и страдала в плену своего тела, достаточно хорошего, чтобы жить в нем, но недостойного сравниться с неведомыми. Страдала в плену собственной жизни, достаточно хорошей, чтобы жить ей, но недостойной сравниться с роскошью неведомых.

Страдала в плену собственного недоумия, ничем ей доселе не мешающего, но неизменно далеко отстоящего от искусности неведомых.

Дора свернулась в клубочек ещё плотнее – даже тёплое одеяло не помогало от вымывающего изнутри отвращения к себе. Надо было потерпеть, пережить, это должно было пройти к утру.

Но пока даже собственный запах казался отвратительным – слишком плотский, слишком животный, слишком грубый. Неведомые пахли снегом и грозовой тучей и летней ночью, и тысячей других прекрасных и чистых вещей.

Дора пахла мылом и потом, ну ещё немного сушеной ромашкой.

Она сжалась ещё сильнее и тихонько заскулила. Доре доводилось слышать байки про людей, которые покончили с собой, встречаясь с неведомыми. Или перестали есть и сошли с ума. Или резали себе руки и лица.

Необходимо было взять себя в руки и не дать волне отчаяния и отвращения полностью затопить разум. Дора сосредоточилась на дыхании, постаравшись полностью очистить разум.

Вдох. Выдох. Ещё вдох. Ещё выдох. Темнота перед глазами, вдох, выдох. Вдох.

Кажется, прошли часы, прежде чем ей стало немного теплее. Потом ещё и ещё.

Когда кусочек окна за потертым ситцем стал светлеть, Дора немного расслабилась и позволила себе подумать. Одну небольшую мысль для начала.

И первое, что пришло ей в голову, были волосы жены барона.

Такое же серебристо— пепельное шёлковое полотно, как и у прошедших перед ней высоких грациозных фигур.

Глава 9. Магда.

Беспокойно прошлась по двору, уселась на лавку на крыльце.

Вытянула ноги, достала из кармана фартука трубку и табак. Запыхтела задумчиво, пуская клубы дыма.

День был полон знаков. Число яблок в корзинке было неверным, и неправильно падали тени, и клубника была не того оттенка. С раннего детства Магда знала – это предвещает скорые перемены. И не всегда к лучшему.

Перемен Магде не хотелось – она видела их в своей жизни достаточно. Хотелось, как и последние десятки лет, жить вот так – в глуши, в тишине, не привлекая к себе ничьё внимание, занимаясь всякой ерундой вроде мыла, травяных отваров да приворотных зелий.

Но все внезапно шло не так, выбиваясь из привычного ей распорядка. Сначала в мелочах, и она уже знала – если узор нарушен в мелком, дальше пойдёт по нарастающей, обычный порядок вещей сломан непоправимо.

Магда вздохнула.

Сделать с этим уже ничего было нельзя.

Выбила трубку о ладонь, отряхнула руки о юбку, огладила фартук.

Ей предстояло неприятное – надо было вспомнить прошлую жизнь и вчитаться в чертовые знаки, чтобы хотя бы понять, к чему готовиться. В общих чертах, конечно же. Время перемен тем и страшно, что ничего определённого там нет.

Магда положила себе гадать трижды. Самое простое гадание, знакомое ей с раннего детства.

Во-первых, поговорить с клубникой – та пугала ее больше всего.

Во-вторых, посмотреть в воду – отражение в воде никогда ее не обманывало.

И в-третьих – подождать первого гостя.

Верные знаки – самое страшное, самое глубокое, самое человеческое.

И не сказать, чтобы это помогло.

Клубника говорила про алый бархат – алый, как ее глянцевого бока, Магда лет тридцать такого не видела и не надевала. И не хотела бы надеть ещё раз. Бархат был из того прошлого, которое стоило забыть, как будто его и не было. Которое она сама изгнала из себя и заперла заветами, и заветы те предпочла забыть.

Вода в ведре сначала показывала невнятное – ночной сад и блики света по стволам деревьев и траве, словно кто— то пускает зеркальцем свет от фонарика, а потом и вовсе вздыбилась в лицо чёрными крыльями. Теми крыльями, что мелькали над горящими крышами города. Магда отпрянула от неожиданности, больно стукнулась головой о стену за спиной.

Скрипнула калитка. Третий знак.

Магда обернулась.

На тропинке стояла Тэсса.

Глава 10. Тэсса.

Разогнулась, провела по лбу тыльной стороной ладони. Магдины грядки теперь выглядели безупречно, так же, как и ее собственные. Попотеть пришлось изрядно – старуха сама к грядкам не прикасалась и сорняков с прошлого визита добавилось порядочно.

Подошла узкоглазая Магдина кошка, посмотрела на неё свысока. Зевнула.

Хозяйки не было видно – ушла в дом и занялась там своими делами.

Тэсса огляделась, плюнула на чистоту юбки и уселась на землю, протянув кошке руку. Кошка вежливо понюхала ее пальцы, потерлась щекой, сдвинула вперед усы и медленно зевнула.

Из домика Магды доносился странный шум – старуха там мебель двигает, что ли?

А потом и вовсе раздался такой грохот, будто она уронила посудный шкаф.

Кошка не сдвигаясь с места презрительно повела ухом в сторону шума.

Тэсса заколебалась.

То ли бежать на помощь, то ли повести себя как кошка – вроде, каждый день у нас такое. Вламываться в дом Магды без приглашения чревато. Кто ее знает, чем она там занята – в деревенские сказки о том, что Магда держит в доме скелеты всех своих былых мужей и дружков, Тэсса конечно не верила, но. Всегда остается вот это самое но.

Пока сидела и думала, все решилось само – на пороге появилась встрепанная Магда с увесистым мешком в руках.

Сунула ей в руки и велела рассмотреть дома, но не просто так, а предварительно понадежнее заперев двери, чтобы соседи ни-ни.

Тэсса даже спорить не стала. Рассмотреть так рассмотреть. Запереть так запереть.

И ничего не сказала даже в мыслях, когда тащила тяжеленный мешок за плечами по летнему зною. Магда одним своим видом могла заставить ее согласиться на все.

И уже дома, закрыв калитку на щеколду, накинув на дверь крючок и сказав для надежности пару слов, которые в деревне применялись для того, чтобы все досужие соседи проходили мимо двора, забыв, зачем они сюда пришли, она изумленно выругалась.

Магда не должна была знать про ее драконов. Но Магда явно знала.

Потому что в мешке лежало как раз то, что она искала. Целое богатство.

Сбруя из кожи и богатых серебряных пряжек, украшенная бляшками с бирюзой. В самый раз для старшего из дракончиков, если затянуть ремни до упора, и на вырост хорошо подойдет. Руки неожиданно ловко развернули ее, как будто бы помнили, как с ней обращаться.

Две пары плотных кожаных штанов: длинные, и обрезанные до колена.

В паху они были прошиты другой, незнакомой ей кожей, более плотной и шершавой.

Кожаные наручи на шнуровке, в пару к сбруе украшенные серебром и бирюзой.

Две простые белые блузы из такой нежной ткани, какой она отродясь не носила.

Короткая, чуть ниже задницы, туника пронзительно алого бархата с капюшоном.

Плотный шерстяной плащ, темно-синий, почти черный.

Высокие мягкие сапоги из темно-синей кожи.

Тэсса прикинула – вещи были примерно ее размера.

И казались странно знакомыми, хотя в их деревне такой роскоши сроду не встречалось. Но она привычно разворачивала неизвестную ей до этого одежду, прикладывала одно к другому, сразу соображая, что зачем нужно.

Это явно было все, что нужно для полетов.

Непонятно было, откуда все это взялось у Магды.

Глава 11. Дора.

Есть люди, которые верят в богов. Есть люди, которые верят в приметы. Есть люди, которые верят в волшебную силу трав или счастье замужества.

Дора верила в уборку. В любой сложной ситуации она разводила в ведре едкое мыло, брала пару тряпок и начинала скрести свой домик. Ей так лучше думалось.

Вот и сейчас Дора равномерно терла деревянную столешницу мыльным раствором, как бы отмывая память о пережитом ночью и размышляла.

Произошедшее с ней было удивительно. Хотя бы тем, что она его пережила.

Как говорили сказки, пережить встречу с неведомыми могли лишь люди с особым амулетом, магии и герою. Иногда в этот список входили еще знатные особы и особенно – королевской крови.

Все остальные, пожелай неведомые проверить на них свои силы, очень быстро кончали с собой – просто от осознания своего убожества и полной никчемности.

С одной стороны, у Доры не было никаких особых амулетов. Она явно не была магом и вряд ли в ее жилах текла какая-то особенная знатная кровь. Да и герой из нее был так себе. С другой – она привыкла верить собственным глазам, да и бессонная ночь в ее возрасте явно не прошла бесследно. Но она пережила ее и сейчас не чувствовала ни малейшего желания повеситься. Какая ерунда, домыть стол, протереть полы, пройтись по грядкам и прилечь бы.

Жаль, что кроме сказок, знала она немногое.

О встречах с неведомыми давно уже ничего не было слышно – Дора не знала никого, кто видел бы их сам и пережил встречу, чьи близкие родственники их видели или даже чей двоюродный брат троюродной бабки повесился, встретившись с ними.

Ходили слухи – даже не слухи уже, а легенды, что они давно перебрались в другие места, забрав с собой все свои удивительные чудеса, изящные украшения, полезные машинки, причудливые наряды и конечно свою магию. Оставили нам только обычные заговоры да практические умения, ничего интересного, ничего особенно красивого.

Кто говорил, они перебрались за море, кто говорил – на Луну, кто предлагал подземелье. Говорили, что неведомым у нас наскучило, что мир стал слишком правильным и унылым для того, чтобы быть для них интересным. Или что они закончили все свои здешние дела и перебрались наконец в достойные их миры, не оскорбляющие их постоянно своим несовершенством.

Но сейчас Дора вспоминала жену барона – ее прямые плечи, ее гладкую кожу, полотно ее серебряных волос и думала – а могут ли быть полукровки, рождённые от неведомых и людей? И есть ли еще народы, родственные неведомым?

Дора задумчиво прополоскала тряпку в ведре.

На людях баронесса появлялась редко, носила строгие чопорные платья, закрывала волосы и вообще красотой не блистала. По крайней мере, на первый взгляд.

В деревне ее считали сушеной воблой, настолько неинтересной, что даже сплетен особых о ней не ходило. Просто потому что и рассказать о ней было нечего – ничем она не блистала и не выделялась, так, по обязанности маячила себе рядом с мужем на деревенских праздниках. Служанок не била, кухарку не тиранила.

Детей у них с бароном не было, в замке воспитывался какой-то троюродный племянник барона, тощий, бледный и тоже ничем не блистающий. Кроме отборных подростковых прыщей, но это уж у всех так.

Их встреча с бароном тоже вроде бы ничем особым не отличалась. Поехал жениться по обязанности, вернулся с женой. Никаких там романтических историй вроде спасения возлюб-

ленной от злого колдуна, от дракона, от волков или уж хотя бы от сорвавшегося с привязи дворового пса. Обыденно, как пресная микстура от поноса.

Барон с женой были такими невероятно скучными, что это выглядело как-то странно.

Глава 12. Магда.

Без сил опустилась на лавку, откинулась спиной к стене. Слепо нащарила в кармане фартука трубку и табак, запыхтела, раскуривая.

Вот оно как складывается.

Вот оно к чему все идет. Вот почему она снова стала видеть сны и знаки.

Магда горько усмехнулась. Все изнашивается, и она не всесильна.

Мыльный пузырь магии, которым много лет назад она закрыла баронский надел – жалкий, надо сказать, захудалый из него баронишко-то вышел – три деревеньки, да лесок, да луга, да сам замок, совсем изветшал.

И те двери, за которыми она надежно – как ей казалось – закрыла свои воспоминания о прежней жизни, тоже потеряли свою надежность. Воспоминания просачивались тонкой струйкой так, что она даже не замечала.

Магда почти убедила себя в том, что она просто старая знахарка со старой кошкой. Вздорная чудаковатая старуха, делает неплохие травяные отвары, хорошие зелья и просто отличное цветочное мыло.

А теперь личина давала трещины, да что там личина – весь мир вокруг покрылся тонкой паутинкой трещин, которые все расширялись и расширялись. Скоро все ее чудеса – ой да что там, скажем честно – все ее вранье – рассыплется прахом.

По уму, стоило бы связаться со старыми коллегами – слово-то какое, тоже из прежней жизни, где шелестели страницы книг, звенело тонкое стекло, и был, о боги! – был тёплый сортир. Рядом с комнатой, а не бегай до ветру в любую погоду. Тёплый сортир и горячая вода – вот лучшее, что осталось в покинутой ей цивилизованной жизни.

Но Магде не хотелось. Всегда была строптивая, какой смысл менять что— то сейчас. Много лет назад она приняла решение и она готова принять все его последствия.

Коллеги, конечно, обозлятся. При мысли об этом Магде даже как— то стало теплее на душе. Старые козлы во главе с королем будут в ярости от того, что у них под боком были толпы – ну, почти толпы – неучтенных бытовых колдуний и даже выводок приручаемых драконов. Ещё в большей ярости будут вечно скрывающиеся Неведомые – то хозяева, то союзники, а то и враги. Приятно подумать, как их разорвёт, а! Если, конечно, они все еще живы. И если еще жив король.

Тэсса, конечно, уже дотащила до дома свой подарок и разобралась с его назначением. Трудно не разобраться – всадников для дракона выводили в своё время как отдельную породу человека и все требуемые знания вкладывали магически, так что и дети, и дети детей, и дети детей детей рождались с этим знанием. Ещё немного, и она побежит на поляну – попробовать.

Магда пошарила под лавкой и вынула бутыль с вишневой наливкой и пыльную серебряную рюмочку. Протерла рюмку краем фартука, критически хмыкнула. Щедро налила наливки, чокнулась с небом и выпила залпом.

Снова запыхтела трубкой. Посидит чуток и пойдет на поляну, посидит в кустах, посмотрит.

Магда не хотела пропустить момент, когда в небо взлетит первая за полвека в этих краях рабочая пара из дракона и всадника.

Глава 13. Тэсса.

Свернулась измученным клубочком под грязноватым одеялом. До стирки в последнее время не доходили руки – то драконы, то домашняя живность, то снова драконы. Тэсса мысленно поклялась развести уже корыто мыльной воды и перестирать накопившееся.

Но то завтра, не сегодня, сегодня не было сил. Голова гудела, ноги и руки дрожали.

Пришёл кот, один из целого племени котов, проживающих в ее подворье. Улёгся ей под грудь, совсем рядом с колотящимся сердцем. Сердце билось так, что Тэсса искренне запереживала, как бы кот не получил в лоб. А ну как выскочит из груди да зашибет невинное животное.

Нелепый, тяжелый и пугающий день начался с того, что с раннего утра Тэсса похвatalа Магдин мешок и отправилась к драконам – проверить, как подойдет внезапный подарок. Лучше бы сидела дома. Не терпелось ей, видите ли.

Нет, поначалу все шло гладко – сбруя подошла на самого крупного из подростков. Да и надела ее Тэсса так легко, будто всю жизнь этим и занималась. Руки сами выполнили привычную работу, легко располагая ремешки по телу животного.

Новая одежда тоже села, как вторая кожа.

Капюшон туники, прихваченный по лбу скрученным в жгут платком, хоть как— то прикрывал от ветра голову.

Жестковатые кожаные штаны, слава богам, отлично прикрывали все остальное.

Яркий цвет туники в небе стал гораздо понятнее – сразу было видно, что на драконе кто — то сидит верхом.

Правда, это порождало новые вопросы. Получалось, что полеты на драконах были – или остались до сих пор нормальным занятием. Скорее, второе: вещи Магды не были ветхими, как сохраняемые родителями Тэссы рубашки ее пра-пра-бабок. Так, немного залежались в сундуках. Это же делало более понятным доверчивость драконицы к Тэссе. Не очень ясно, чем ей не угодили тэссины покойные супруги, но в конце концов и самой Тэссе они не особо нравились. Да и боги с ними.

Вопросы вопросами, ломать голову можно было бесконечно – а вот летать со снаряжением было не в пример удобнее и Тэсса на радостях унеслась за пределы баронского надела. За всю свою жизнь она так его и не покидала – двух деревенок поменьше, да третьей побольше, гордо называемой городом, ей хватало за глаза.

Притормозила дракона на ближайшей подвернувшейся полянке – и отдохнуть, и ноги размять, и вокруг поглядеть.

Лес вокруг смущал ее своей неуловимой неправильностью – или она просто ушла далеко от привычных мест и тут он и должен таким быть?

Полянка не выглядела дикой – тут и там к ней стекались протоптанные тропки, да и кусты малины выглядели уже изрядно помятыми. Где— то рядом живут люди, совсем недалеко. Тэсса пожалела, что в полете не присмотрелась к земле, а то вертела головой, разглядывая облака, то смаргивала навернувшиеся от ветра слезы.

Пока Тэсса осматривалась, из кустов поднялся мужик – пьяный до нечеловекообразного состояния, воняющий дешевой самогонкой и нечистотами так, что глаза слезились.

И в нем тоже что-то было не так.

Тэсса сначала не разобралась – все смешалось, мужик с мычанием – ыыыы, бааааба – кинулся к ней.

Дракон легко, как играющая кошка, махнул передней лапой. Тускло мелькнули когти, что-то хрустнуло, брызнуло красное и мужик мягко лёг в траву под ее ногами.

Тэсса кинулась к нему и совсем обомлела.

Он уже и не дышал, да и не дышат люди, у которых нет кожи на половине лица и голова под таким углом повернута к плечу. Но из его лица росли веточки.

Обычные зелёные ветки, кое-где уже развернувшие первые клейкие листики. Похоже на липу или березу. Только простые, честные липы и березы растут гораздо медленнее.

На ее глазах один упорный росток непостижимо быстро просверлил скуловую кость и торжествующе вырвался наружу.

Глава 14. Дора.

Тайна баронессы не давала Доре покоя. Она вообще была упертая – что в голову вобьет, то срочно надо получить.

Хотя бы посмотреть на неё поближе. Поводов выйти из замка в деревню у баронессы не будет аж до праздника урожая. А это долго, терпения не хватит ждать.

Без повода баронесса в деревню не пойдет, делать ей тут нечего.

В замок пробираться самой – только ноги зря бить.

Можно, конечно, упросить Магду, чтобы та разрешила ей отнести туда мыло, сваренное по заказу семьи барона. Ну и что, выйдет горничная, рассчитается, дальше людской Дору не пустят. Кому она там в замке нужна— то.

Спрятаться во дворе замка, а потом подстеречь баронессу в садике внутреннего двора, в котором она по слухам проводила все своё время? Ага, а до этого как— то удрать от охраны, которая может и ленивая, но все побыстрее пухлой Доры.

Дора представила, как она тяжело переваливается через невысокую каменную стену, падает прямо в растущий под ней можжевельник и выкарабкивается из него к ногам баронессы. Фыркнула так, что сидящая на коленях кошка вздрогнула и недовольно повела острым ухом в ее сторону. Отличный план!

Ерунда выходит. И так ерунда, и сяк ерунда. Хорошо бы, чтобы баронесса сама вышла из замка и встретила её на дороге. В лесу например, почему бы нет. Может же баронесса ходить в лес? И лезть никуда не надо, и идти далеко тоже не надо.

Может, попробовать повстречай-слово? Сам-то обряд несложный, но вот Доре не удавался ни разу. Наворожить на травках да щепочках невелик труд, самое трудное – потом. Сложность была в том, что выйти из дома надо было по своим делам, ненарочно. И думать о встрече было нельзя, а надо было идти куда ноги идут, но так, чтобы по делу. А это даже и не очень понятно— то, как сделать.

Дора— то до этого его использовала только для любовного интереса, а его из головы не выбросишь. Как начнешь думать, так все, какие тут дела, и ноги только на место свиданий сами идут.

Вот и встречался ей только дурковатый дед Коконя со своей вечной трубочкой. Что с повстречай-словом, что без, не встретить его было трудно – дед целыми днями шатался по деревне, неизвестно чем жил и чем был занят. Ну бабы у нас добрые, всегда и хлеба подсунут, и молока дадут.

Ладно, попытка не пытка, поздняя земляника еще осталась, да и некоторые травы пора бы собирать. В лесу всегда есть чем заняться.

Наворожила, а не получится, так прогуляется. Грядки опять зарастают, но то ладно, подождут до завтра.

Пошептала с матерью-березой, сунула в холщовую сумку шаль, пару огурцов да яиц, краюху хлеба и фляжечку, нет, две фляжечки с настойкой на облепихе. Вдруг похолодает. Или скучно будет. Настойка никогда не бывает лишней, в конце концов. Взяла корзину. Да и пошла.

В лесу сначала было так себе, скучновато. А потом Дора сама не заметила, как под настойку увлеклась, земляника уже покрыла дно корзины, да и травки в сумке потихоньку начали накапливаться. Баронесса с ее загадками как— то вылетела из головы.

И когда на очередной прогалине впереди замаячил тонкий женский силуэт, Дора даже как-то удивилась.

Глава 15. Магда

Внимательно вгляделась в мутноватую поверхность небольшого настольного зеркала в причудливой оправе. Ещё одна хорошо забытая вещь из прошлой жизни – серебро и гранаты, которые раньше сопровождали ее везде. Кроме того, это зеркало было по-настоящему старым – старше чем она сама, старше ее матери, возможно, старше и ее бабки. Для того, чтобы любоваться собой, оно уже давно не годилось, но вот для других задач – вполне.

Под мутной плёнкой амальгамы вставал из кустов испитой, потерявший человеческий облик мужик. Обычный забулдыга, если бы не свежие веточки, растущие из его тела. Судя по всему, боли он не испытывал – или был слишком пьян, или же ее и в самом деле не было и он скоро должен был просто лечь и уснуть, чтобы проснуться не самим собой, или же не проснуться вовсе. Магда ставила на первое.

Магда не поленилась быстренько накинуть на снаряжение Тэссы заклятие слежения – так, чтобы видеть все, что видит она – и еще немного больше. Все то, к чему Тэсса не будет приглядываться и не обратит внимания.

Увиденное Магде остро не нравилось.

В последней своей прошлой жизни Магда была дезертиром – постоянная война надоела ей до невозможности и тогда Магде казалось, что просто закрыться от неё, пересидеть в глуши и дожидаться окончания – не самое плохое решение. Рано или поздно одна из сторон победит, к чему Магда, к счастью, не будет иметь никакого отношения. Или не победит, но это тоже не ее забота. Уйти с королевского поля военных действий было сложно, но никто не обещал ей легкой жизни, что уж говорить. И если уж так судить, то именно это и было главное ее достижение на ниве магии.

Хуже всего было то, что одна из теорий, да что уж там, догадок – никогда не была теоретиком, все больше практиком, и рубить с плеча – хуже всего было то, что ее догадка оправдывалась. Магические войны страшны не только своей разрушительностью. Сиюминутные разрушения – меньшее из зол в сравнении с долгосрочными последствиями.

Согласно легендам, давным-давно первые маги, то ли в содружестве с Неведомыми, или с их темной частью, то ли наоборот, враждуя с ними, обуздали и упорядочили первичную, сырую древнюю магию, поставив ее на службу разуму. Загнали ее в рамки, заперли за дверями и засовами. Но так до конца и не изучили, как не изучили толком ни одной силы природы.

Предположительно, проблема избыточного применения слишком сильных чар в опасности накопительного эффекта – земля, вода, растения и даже живые тела какое-то время помнят все случаи контакта с магией.

Во время обучения они всегда соблюдали меры предосторожности – правильная последовательность заклятий могла нейтрализовать друг друга, существовали способы связать свободные силы и направить безопасное русло – но кто в пылу боя станет заниматься защитой от гипотетической угрозы?

На открытом пространстве накопленная магия считалась практически безопасной – никто еще не применял чары так интенсивно и так долго, чтобы нарушить равновесие, но все случается в первый раз.

Тем более что во время последней войны и нападающие, и защищающие лупили друг друга всеми средствами почем зря, забыв про все возможные правила. А уж тем более – про какие-то древние легенды и рекомендации предков. Сильнее, быстрее, больше огня, больше крови, больше трупов! К чему задумываться о последствиях, когда завтра мы все можем быть мертвы!

Да и она сама, что греха таить, приложила руку к этому безумию. Очень хотелось быть лучшей. Опять же, процесс разработки идеальных способов убийства затягивает. Кровь и на ее руках.

Ладно, что толку жалеть о прошлом, которое уже нельзя изменить. Нам остается только настоящее.

Магда пристальнее взгляделась в картинку.

И кусты, и трава тоже выглядели неуловимо неправильными.

Плохо. Очень плохо.

Если ее защитные заклинания будут продолжать ветшать, скоро перемены в их жизни не ограничатся драконами.

Глава 16. Тэсса.

Прошлёпала босыми ногами по деревянному крылечку бани, от крылечка – до дома. Порадовалась, что не поленилась позвать столяра, чтобы тот наладил деревянные подмости. Скрутила привычным движением в пучок сырые волосы.

Провела ладонями по чистой юбке, которую недавно сшила и вышила цветами – а казалось, уже в прошлой жизни.

Кинула взгляд на веревку, на которой развевались старательно отстиранные простыни и одеяла. Спину ломило после целого дня стирки. Ну что же, сама накопила, никто не заставляет.

Тэсса весь день старательно приводила в порядок запущенный дом и себя, только бы не думать об увиденном, дать ему время уложиться в голову. Но не вышло – стоило закрыть глаза, как перед ними ехидно покачивался яркий зеленый листик с капелькой крови, просверливший лицо потерявшего человеческий облик пьяницы.

Тэсса зябко обхватила себя руками, несмотря на тёплый летний вечер. То ли сходить к Доре, попросить у неё вишневой наливки? И пожаловаться ведь некому, а кто такое будет слушать, скажут – совсем с ума сошла, можно ее понять, вечную вдову.

Поговорить с Магдой? Ой, нет, все что угодно, только не это. Тэсса представила вскинутую старческую бровь и это ее вечное брюзгливое выражение на морщинистом лице, а самое главное – тот страх, который охватывал ее при одной мысли о старухе, сам по себе нелепый и беспричинный, но непреодолимый, и сходу отказалась от этой мысли.

Сходит, попросит наливки. Заодно поболтает с Дорой, все легче будет на душе. Собрала того— сего, куриных яиц, овощей, чтобы с пустыми руками не идти.

Уже было подошла к калитке, как увидела бодро пылящего по улице деда Коконю.

Дед Коконя жил в деревне сколько Тэсса себя помнила, и сегодня был таким же, как всегда – огненно-рыж, пятнисто-сед, изрядно помят, изрядно подпит, немного не в уме и наверняка общителен. И абсолютно беззлобен и благодушен.

Только вот на нелепые – вот помню я годы-то свои молодые! – дедовы разговоры и его ещё более нелепые заигрывания после всего произошедшего не было, кажется, абсолютно никаких сил. Нет, в целом Тэсса к Коконе относилась хорошо – он рассказывал чудесные и неправдоподобные байки про жителей гор, про звероловцев, про волшебство. И она всегда жалела его, когда он, завравшись, оговаривался, как он заснул на дереве – ясно же, что в дедовы годы ни на какое дерево уже не залезть и уж тем более не заснуть там и не слезть. Совсем старый умом становится плох.

Но в бесхитростном, смешном и привычном до оскотины Коконе было что-то, что всегда Тэссе всегда настораживало, казалось обманом с его стороны...

Тэсса отодвинулась от заборчика, скрывшись за густыми кустами сирени.

Дед, не заметив ее, прошел мимо, и тут Тэсса поняла.

Проблема в запахе. Никогда не несло от него ни тяжелым старческим, ни душным мужицким, ни ядовитым самогонным запахом. Хотя Коконя вроде бы был всегда чуть поддат, своей бани не имел, и насколько она знала, ни в чью чужую не ходил. Но при этом Коконя не вонял!

Тэсса озадаченно всмотрелась в его удаляющуюся спину. Было и что— то еще странное и неправильное.

Показалось или нет ей, как в одной из широких дедовых штанин промелькнул кончик рыжего хвоста?

Глава 17. Дора.

Вышла на крыльцо с полным лукошком, присела на низкую лавку.

Сидела задумчиво, машинально нанизывая на нитку грибы – пусть сушатся на чердаке, зимой пригодится – и раз за разом прокручивала в голове встречу с баронессой.

Баронесса стояла неподвижно, как мираж, Дора слышала о таком от бабки – где-то еще висят призрачные отражения погибших воинов и магов. Обернулась к ней только когда Дора подошла почти вплотную – хотя Дора не таилась, шла, похрустывая веточками под подошвами.

– Я слышала твой зов – сказала баронесса, – я пришла. Чего ты хотела? Зачем звала?

Дора замерла. Она никогда раньше не видела баронессу вблизи, да если бы и так – разглядывать было неудобно, а теперь она не могла оторваться.

Баронесса была и похожа, и одновременно непохожа на Неведомых из ее видений.

Похожа – чистым совершенством линий, гладкой сияющей кожей, по-детски сияющими прозрачными глазами, шелковым полотном серебряных волос.

Но неведомые были яркими, ошеломляющими, заставляющими ощутить свою ничтожность. Они были как сама жизнь, возведенная в абсолют и лишенная всего низменного.

А баронесса была бледной, будто с нее смыли все краски. Прямой и тонкой. Ничего, похожего на триумф жизни и ничего, похожего на окончательность смерти. Ледяная прозрачность зимнего родника, слишком холодного, чтобы из него пить. Как будто она никогда не была живой настолько, чтобы иметь отношение к смерти.

– Ну? – баронесса вскинула неяркую идеальную бровь – говори.

Дора замялась. Как полная дура. Все, что она могла – это скомкано рассказать про свои видения. А больше и говорить было не о чем – вопросов у нее не было, сплошное любопытство.

– Ясно. Вряд ли тебя интересует моя ванная комната и сорт мыла – баронесса вздохнула – ты хочешь знать, что происходит. И похоже, скоро этого захотят многие. Впрочем, я тоже этого полностью не знаю. Долгие годы я думала, что мы все тут – жертвы магического опыта, жестокого произвола. Ты жила своей жизнью, даже не зная, что я оплакивала свою. А на самом деле мы были счастливыми в чудом сохранившемся маленьком мирке. Кажется, что это время истекает и скоро весь прочий мир придет к нам – а я так толком и не поняла, что там происходит. И теперь уже не уверена, что хочу это когда-нибудь понять. Но придется, придется.

– И что теперь? – Дора захлопала глазами и машинально отхлебнула настойки из фляжки.

– А ничего. Скоро мы все узнаем, хотим мы этого, или нет – баронесса улыбнулась уголком губ и протянула руку за фляжкой. Утерла губы тыльной стороной ладони, – Вообще-то у меня тоже есть вопросы. Например, кто научил тебя зову? Никто? Так я и думала. Видели бы тебя наши маги! Если они вообще теперь могут кого-нибудь увидеть, – баронесса засмеялась, неожиданно живо и чисто, совсем по-девичьи.

И вдруг замолчала и подобралась, вскинув узкое бледное лицо к небу.

Над верхушками деревьев, спасибо что высоко, пронеслись черные уродливые тени – то ли летающие ящеры, то ли птицы-переростки, то ли еще что похуже.

– Ну вот, начинается. Расходимся, мне надо подготовиться. Дальше, полагаю, будет еще интереснее – баронесса сбросила с себя всю ленивую томность, – да и тебе рекомендую собраться. Без твоих способностей нам никуда.

Дора только успела кивнуть, а баронесса уже скользнула в подлесок и оставалось только смотреть на ее удаляющуюся спину.

Глава 18. Магда.

Пора сдаваться. Сколько можно сидеть, засунув голову под юбку, ждать неизвестно чего и бояться, закрыв на замок все – и память, и сущность, и знания.

Пора сдаваться, выходить наружу и узнать, что именно там происходит.

Магда резко поднялась с лавки.

Эта личина славно ей послужила последние полсотни лет – но пора вернуть себе свою гордость и проклятие – чёртову вечную молодость, гордость магов в их вечном соревновании с неведомыми.

Боги с ней, все равно она уже не держится. Хотя старухой ей жилось куда как спокойнее, да и кто она на самом деле, как не старуха?

Придется лезть в погреб, последний сундук с тайнами скрыт там. Тащила его частично сама, морщась от боли в спине, частично – помогая себе чарами. Сто раз успела проклясть свою гордость – могла бы завести не ученицу, так служанку. Кряхтя, заволокла его в дом. Откинула крышку.

Резко взмахнула рукой – стоящее в ее просторной кухне большое корыто наполнилось речной водой, в которой изумленно плавала пара случайных рыбок. Рыбки достались кошке, пусть перекусит напоследок. Конец спокойным временам. Конец спокойным временам даже и для кошки. Ну что ж, такова жизнь. Тем более, не только Магда – не совсем старуха. Кошка тоже раньше была другой.

Вытащила из сундука ларец, откинула крышку, ловко пробежалась пальцами по пакетам и флаконам. Вот все, что ей нужно.

Глотнула из пузатого флакона синего стекла. Утерла заслезившиеся глаза. Не мед ее зелья, ох не мед. Сама заварила – сама и пей теперь.

Глубоко вдохнула – снова заканчивается ее очередная жизнь. Сколько их было – жизнь нелюбимой дочери. Жизнь грязной оборванной беспризорницы, у которой война унесла все. Короткий эпизод в борделе. Ученица в башне магов. И дальше длинная полоса – лучшая, любимая, обласканная. Все выше и выше! Героиня. мастер. Убийца, убийца, трижды убийца. Разрушитель мира. И снова бедность, грязь, голод, бег сквозь разрушенную страну. Дезертир. Отважный дезертир, слишком поздно осознавший разрушительность идущей войны. Дезертир, который пытался все исправить.

Да, и короткой вспышкой – плохая жена. Неслучившаяся мать. Любовница, любовница, любовница. Бросила. Брошена. Боги, какая ерунда. Какая все это была ерунда по сравнению с чужими жизнями. Стоило так убиваться ради этого.

Магда громко чихнула. Все прошлое – прах, и с прахом пусть пребывает. Важно только настоящее и то, что мы можем с ним сделать.

Высыпала содержимое пакетов в воду, поболтала рукой – вода покрылась радужными разводами и начала слабо опалесцировать. Пять минут, пусть растворятся окончательно. Пока можно вынуть свою старую одежду из того же сундука. Вынула, встряхнула, расправила.

Посыпала поношенные тряпки и с головой опустилась под воду, задержав дыхание.

Через несколько мгновений мокрыми босыми ногами на не слишком – то чистый дощатый пол встала женщина лет тридцати.

Схватила за шкуру кошку и макнула ее туда же, потом ещё мокрую резким движением выбросила через открытое окно во двор.

Магда уже закончила одеваться – успела отвыкнуть от тугой кожи, от нежного шелка рубашки, подколола подсохшие кудри старинными гребнями с гранатами, когда со двора донёсся низкий возмущенный рык.

Узкой усатой мордой поводила из стороны в сторону негодующая драконица.

Как и Магде – старухой, ей тоже гораздо больше нравилось быть кошкой.

Глава 19. Тэсса.

Очнулась, лёжа на боку неизвестно где, хорошо ещё – в тепле и сухости, на мягкой перине. Вдоль спины она ощущала тёплое касание непонятого огромного пушистого зверя, но сил повернуться не было. Сил не было вообще ни на что.

Голова раскалывалась, сердце трепыхалось как рыбка в кулаке. Тело было ватным и непослушным. Даже открыть глаза не получалось. Веки жгло, словно бы она долго плакала, лицо казалось отечным. Тэсса с трудом подняла руку к лицу, потерла глаза – не помогало. Да и движение отняло последние крохи сил.

Неизвестно откуда всплывали странные и страшные картинки.

Она была в детском приюте. Особенном приюте для особенных детей. Форма, уроки, построение по утрам. Преподаватели и воспитательницы, комнаты— казармы на десяток девочек и мальчиков. Библиотека! Тэсса всегда удивлялась, откуда она умеет читать.

Подруга Маргарита. Остриженные чуть ниже ушей светлые волосы, как пух одуванчика, сбитые коленки. Разорванный рукав форменной туники.

Золотые рыбки, парящие в воздухе. Цветы, распускающиеся на ладони. Десятки, сотни мелких и крупных чудес.

Грохот и крики, испуганные, истошные.

Небо становится черным от крыльев. Драконы сжигают дома, сжигают учебные корпуса приюта, сжигают людей. Кровь и грязь. В воздухе кружится пепел, летят горящие страницы книг. Осколки флаконов с чудесными снадобьями хрустят под ногами. Ученицы мечутся, как испуганные птицы. У обрушенного угла дома лежит их воспитательница – и по тому, как осело мешком ее тело, становится ясно – она больше никогда не встанет.

Маргарита кричит, потому что мужчина в истошно— фиолетовом плаще заламывает ей руки за спину и тащит с собой. Она брыкается, но он легко перехватывает ее поперек талии и скидывает на плечо. Больше они не виделись. И, наверное, не увидятся.

Саму Тэссу тоже хватают, тащат, перекидывают как куль через спину взрослого дракона. Она вопит, брыкается, но это все бесполезно – кожаные ремешки перетягивают ее запястья и голени, и все что ей остается – это смотреть, как внизу мелькает земля, проносятся горящие крыши, как исчезает все, что она любила.

Тэсса готова была поклясться, что ничего этого с ней никогда не было. Она выросла в деревне, была поздней и желанной дочерью пожилых уже родителей. Вот запруда, на которую она бегала ловить рыбу. Вот дом, который достался ей в наследство. Вот там, под березой, могила папеньки, рядом лежит мать. Она сажала там цветы каждую весну, пока не осталось ни одного клочка земли, который не расцветал бы.

В конце концов, вот бабкин гребень – дед привез его из набега, диковинная вещь из чего — то прозрачного, украшенная бирюзой. Вот прабабкино зеркало, мутная амальгама. Вот ее огород, грядки, козы, овцы, куры.

Тэсса зажмурилась сильнее. Голова кружилась, хотелось плакать и куда— то бежать, но сил совсем не было. Где— то далеко уверенный женский голос неразборчиво что— то пел. Пушистое за спиной размеренно дышало и посапывало. Пахло травами, сухой тёплой шерстью и корицей. Перед глазами стояла обваливающаяся внутрь крыша учебного корпуса.

Глава 20. Дора.

Дора тоже спала. Дрема обняла Дору уютным мягким коконом, глаза слипались так, что не было никакой возможности их открыть.

Ей давно не было так хорошо, спалось как зимой – две перинки внизу, две перинки сверху, бабушкины подушки из утиного пуха. Снаружи – колкий холодок и тонкая струйка ледяного воздуха хватает за нос, а она в уютном теплом гнезде, пахнущем лавандой и немного перьями. Дора расслабилась так, что кажется, даже кости растеклись в сироп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.